

После ужасной погони, едва добравшись до лестницы, Тен легко вспрыгнул и взобрался на перила. Тело быстро скользило вниз. Когда в мгновение спустился на половину лестницы, конец перил, изогнутых, как лоза, закрутился: дррр. Прежде чем превратиться в рулет-сэндвич, спрыгнул на лестницу, и тогда перила заострили конец и стали колоть, как шило: тьк-тьк.

Словно подвергся нападению гигантской змеи. Тен пригибал голову, выворачивал плечи, прыгал на одной ноге, с трудом уклоняясь. Лестница, разделённая на частые ступени, – опасное место, где при малейшей ошибке можно скатиться кувырком. Был так занят тем, чтобы не упасть и увернуться, что спуститься никак не получалось. Едва оторвался. Так дело дойдёт до того, что снова нагонят сзади.

В конце концов Тен прекратил уклоняться. Посмотрел прямо на перила, яростно несущиеся, как змея, охотящаяся на добычу. Когда острая, как игла, оконечность приблизилась вплотную, Тен повернул голову и увернулся с минимальным зазором. Конец перил, не успевший замедлиться, вонзился в стену. Тен, удерживая ребёнка одной рукой, другой схватился за основание перил и в один миг взобрался. Бежал по тонким узким перилам, словно по ровной поверхности, без малейшей дрожи, а когда путь закончился, легко приземлился. Так смог вернуться в холл первого этажа, которого так жаждал.

Переводя учащённое дыхание, Тен пересёк просторный холл. Когда расслабил силы в предельно напряжённом теле, ребёнок зашевелился. Крепкий взрослый мужчина всё время нёс, сжимая изо всех сил, так что, должно быть, было очень тесно. Надо извиниться. Конечно, после того, как выйдем наружу и окажемся в безопасности.

Огромный холл с открытым потолком до верхних этажей. Тен толкнул плечом большую входную дверь, занимавшую всю фронтальную часть холла. То ли от интенсивных движений до этого? Ожерелье, спрятанное под одеждой, выскользило наружу и болталось. Серые глаза ребёнка пронзительно уставились на ожерелье.

Сквозь щель слегка открывшейся двери ворвался холодный ветер. Кровь по всему телу билась так яростно, словно готова была прорвать узкие сосуды. Охотно наслаждаясь неистовым биением сердца, Тен распахнул дверь. В хлынувшем свете рефлекторно закрылись глаза. Прищурившись, перехватывая поудобнее ребёнка – ледяного в противовес его собственному разгорячённому телу – Тен внезапно осознал.

У этого ребёнка не бьётся сердце.

— Гррр....

Распахнутая настежь дверь. Над ними, преодолевшими трудный путь и наконец вышедшими наружу, опустилась густая тьма. И зловещий гортанный звук.

Тен с трудом повернул окоченевшую шею и поднял голову. Острые, как крюки, когти. Конечности с угрожающе выступающими мускулами. Длинный острый хвост и перепончатые крылья. Лицо – непонятно, человеческое или птичье.

Горгулья. Горгулья столь огромная, что могла раздавить его вместе с костями одной лишь силой обеих рук.

Горгулья из серо-белого камня шагнула вперёд. Когда большое массивное тело двинулось, покрытый снегом пол провалился, а небо и земля содрогнулись. Виверны, грифоны и прочие крылатые монстры кружили в небе. Сёстры-сирены пели песню. Мрачную, угрюмую, столь

печальную, что хотелось вырезать уши. Они пели похоронную песнь, а главным героем был он сам.

Инстинктивно попятился. Однако сзади нечто с ножами приближалось, оставляя лишь тень. И ящерицы, притворявшиеся подсвечниками, и воины с рельефов на потолке. Все сжимали Тена спереди и сзади. Некуда было бежать.

Горгулья разинула пасть и громко взревела. За его крыльями очень маленьким виднелся замок, покрытый снегом и льдом. Среди толпы каменных монстров. Тен вспомнил комнату, полную портретов.

Значит, это Замок чудовищ.

Место, где жила императрица Сара.

Тен обхватил ребёнка обеими руками. Жест, в котором чувствовалась твёрдая воля – обязательно защитить хотя бы этого ребёнка. Ребёнок, прижатый к крепкой груди, тихо вздохнул.

— ...Хватит.

Звук тише дыхания утонул в ветре и не донёсся даже до Тена. Горгулья зарычала и шагнула ещё раз. Спереди угрожал каменный монстр, а сзади по полу скребло каменное оружие. Тен обвил одну руку пламенем. В напряжённом противостоянии. При малейшей ошибке могла разразиться масштабная битва.

Когда опасно неустойчивая атмосфера была готова взорваться. Ребёнок сказал более отчётливо и ясно:

— Хватит.

Бряк, грох! Мечи и оружие рухнули на пол. Горгулья распласталась ниц. Нет, рухнула. Монстры, летавшие в небе, разом посыпались вниз, а на каменных телах пошли трещины: тррр. Словно изменилась гравитация, всё падало и искажалось.

Среди этой аномалии Тен один был свободен. Но облегчения не почувствовал. Тен, напряжённый как никогда в жизни, посмотрел вниз на ребёнка, который, вероятно, и был виновником этого странного явления.

— Неужели...

Сквозь губы, не скрывавшие растерянности, вылетело слово. Пепельные глаза задержались на лице Тена. Довольно долго.

— Беспокоиться, что замёрзнут ноги Великого императора суровых холодов, – ты единственный.

Бесформенная сила, давившая на атмосферу, отступила. И всё же весь мир испуганно затаил дыхание. Тен окаменел телом и душой. Великий император суровых холодов? Этот ребёнок на моих руках?

— Что делаешь?

В тишине, где стих даже ветер. Единственный безмятежный голос позвал Тена. Хрупкий

детский голос был столь сухим, что невозможно было почувствовать никаких эмоций, но Тену он показался иным. Неужели только сейчас испугался? Не слишком ли поздно? Словно насмехаясь.

Тен, как идиот, запинаясь, открыл рот:

— Ваше... Вели-чество?

— Да.

— Простите, но действительно Ваше Величество...

— Да. Я Валленштайн.

Владыка воды и льда. Хозяин земли вечной зимы Валенса. Один из Четырёх владык стихий и король королей, правящий всеми духами воды. Великий император суровых холодов, которого боятся все жители Валенса....

Постойте, ребёнок?

— На кухню не пойдём?

Я голоден. Добавленная фраза даже звучала невинно. Тен повернулся внутрь замка. Нечто, уронившее кухонный нож и скорчившееся на полу, дрожало. Форма по-прежнему была невидима. Однако тень на полу мелко дрожала, так что можно было примерно догадаться.

— Не-немедленно приготавливаю еду!

Повар, от которого осталась лишь тень, неуклюже поднялся, почти ползком. Тен, полностью сопереживавший чувствам того, кто убежал прочь к кухне, нарочно медленно последовал за ним. Ребёнок на руках, о котором не думал, несмотря на все беспорядки, неожиданно ощутился тяжестью. До неподъёмности.

Придя на кухню, услышал стоны и обеспокоенные слова: что делать, как быть? Тен, пройдя мимо подставки, нашёл повара. Картофель, морковь, лук и прочие продукты ждали своей очереди на разделочном столе. Но нож не брался. Потому что всё замёрзло.

— Помочь вам?

— Да-да-да?!

— Не можете готовить из-за того, что всё замёрзло, не так ли? Я могу помочь.

Попросив разрешения и опустив ребёнка... Валленштайна на пустой разделочный стол, Тен сразу направился к повару. Стоило отойти от Валленштайна и повернуться спиной, как вырвался вздох. Внутри перчатки выступил холодный пот на ладони.

Ну, жив.

Честно говоря, не верилось. Этот маленький хрупкий ребёнок – Великий император суровых холодов. Шутка должна знать меру. Не будь того величия, что сжимало со всех сторон, не склони мир головы, никогда бы не поверил. К тому же у Тена не было уверенности, что может притворяться спокойным и невозмутимым, держа на руках Великого императора суровых холодов, поэтому он вызвался помогать на кухне. Нужно было время хоть немного привести

мысли в порядок. Тен взял картофель и стал размораживать.

— Я был поваром этого замка.

Невидимый он рассказывал о себе:

— Кроме этого я ничего не помню. Как меня звали. Куда делось моё тело.

Движения в фартуке, режущие картофель, определённо были человеческими. Но плоти нигде не было.

Тен попробовал слегка провести рукой над фартуком, обтянутым вокруг пустоты. Пустые пальцы ни за что не зацепились. Это не просто невидимость. Нечто, этот повар, действительно не существовало в реальности. Лишь отбрасываемая на пол тень оставляла след, словно единственное свидетельство исчезнувшей плоти.

— Была лишь мысль, что нужно готовить. Потому что сегодня....

Повар, сказавший "сегодня", коротко простонал:

— Не помню. Беда. Важное дело было. Потому очень спешил.

Не помню.

Повар, уныло проговоривший, замолчал. Тен, молча разогревавший сковороду, почувствовал себя странно. Потому что ни разу не использовал силу Аквилы для таких обыденных дел. Увидь Соня, возможно, отчитала бы, что растрачивает талант.

Вскоре совместный суп повара и Тена был готов. Тен взял тарелку с супом и глубоко вдохнул. Всё в порядке. Я справлюсь. Забыть и Великого императора суровых холодов, и все ужасные истории, связанные с ним.

Сейчас передо мной просто обычный маленький ребёнок.

— Попробуете? Горячо.

В ледяном зимнем замке даже только что сваренный суп быстро остывал. Тен, постоянно подогревая тарелку, опустился на колени, чтобы оказаться на уровне глаз ребёнка.

Ребёнок, Валленштайн, смотрел на суп с поднимающимся паром, словно это какой-то крайне странный предмет. Казалось, он совсем не собирается брать, поэтому Тен сам взял ложку. Зачерпнув суп, подул, остудил и поднёс ко рту.

— А....

Когда изобразил "а", ребёнок рефлекторно повторил. Сквозь слегка приоткрывшиеся губы суп проскользнул внутрь. Глаза ребёнка округлились. Слабая вибрация прыжка передалась через ложку.

Когда улыбнувшись попытался зачерпнуть суп снова, ребёнок выхватил ложку. Похоже, не понравилось послушно сидеть с открытым ртом, как птенцу. Оставив позади непонятное чувство сожаления, Тен покорно отступил. И наблюдал, как ребёнок медленно, неловкими движениями ел суп.

Тем временем повар закончил шницель. Тен принёс стул и усадил ребёнка. Поставив перед ребёнком тарелку с шницелем с гарниром из картофельного салата, Тен взял свою порцию супа. В отличие от того, что усердно подогревал, чтобы накормить ребёнка, его оставили без внимания, так что он холодно остыл. Нет ничего невкуснее холодного супа. Тен без всяких церемоний хлебнул. Голод – лучшая приправа. Голодный желудок радостно принял и ледяной суп, и всё остальное.

Пока опустошал тарелку дочиста, послышался неприятный скрежет: скриип. Тен увидел. Ребёнок, Валленштайн, Великий император суровых холодов с трудом справлялся с ножом.

Чуть не рассмеялся. Но если сейчас засмеяться, голову отрежут. Тен приложил отчаянные усилия, чтобы удержать мышцы лица на месте. Где в этом облике можно увидеть жестокого и ужасающего Великого императора суровых холодов?

— Ваше Величество. Если не будет неучтивостью, не согласитесь ли обменяться с моим?

Слегка протягивая свой шницель, нарезанный удобными кусочками, Тен добавил:

— Зачем драгоценной особе заниматься такими мелочами и хлопотами? Доверьте это кому-то вроде меня.

Ребёнок, похоже, колебался между гордостью и практичностью. Серые глаза поочередно смотрели то на свой большой кусок, то на аккуратно нарезанный Теном. Последовало томительное молчание, но Тен терпеливо ждал. Спустя мгновение упрямо сомкнутые фиалковые губы шевельнулись.

— Я и сам вполне могу справиться, но разрешаю, учитывая твоё усердие.

— Конечно.

Снова принявшись резать обменённый шницель, Тен прикусил внутреннюю сторону щеки из-за уголков губ, что всё норовили подняться. Нельзя смеяться. Как ни крути, это же Великий император суровых холодов. Засмеёшься – умрёшь!

Образ, выстроенный через разные предания, рухнул в одночасье, но ни в коем случае нельзя показывать вида. Содрогаясь от радостной муки, Тен с трудом сдерживал смех до самого конца трапезы.

Убирая опустевшую посуду, Тен снова погрузился в раздумья. Взять на руки или нет. Недавно впопыхах схватил сам, но ведь он явно выразил отказ. Наверное, не стоит брать на руки.

Однако то ли из-за того, что слишком много внушал себе: обычный ребёнок, обычный ребёнок. То ли потому что действительно показал по-детски беспомощный вид. Даже сейчас, узнав его истинную сущность, Тен беспокоился о посиневших босых ногах.

— Что делаешь?

Поэтому, когда ребёнок первым заговорил:

— Обещал всю жизнь служить мне ногами, помнишь?

Тен проворно поднял маленькое тело на руки.

Драгоценная особа в его объятиях жестом указала направление. Тен двинулся. Так, пройдя

длинный коридор и достигнув холла, вышли наружу и шагали, и шагали между окаменевших чудовищ.

— Ваше Величество. Вы так и оставите их?

Указав на застывших словно статуи чудовищ, он спросил, но ребёнок равнодушно даже не взглянул.

— Сами разберутся.

— Разве они не вернуться только с вашего позволения, Ваше Величество?

— Нет.

Кончик пальца ребёнка указал на старую, стоявшую в углу часовую башню. Высокая башня примерно в 20 элле. Круглый циферблат на вершине был разбит сзади, к тому же несколько цифр исчезли. Стрелки замёрзли и остановились, утратив свою изначальную функцию. Буквально сломанная часовая башня.

(Примечание: элле - старинная немецкая мера длины, 1 элле $\approx$ 66 см)

— Я не их хозяин.

— Но разве недавно они не подчинились вашему приказу, Ваше Величество?

Войдя внутрь башни, увидел грубую кирпичную кладку внутренних стен и мрачную винтовую лестницу.

— Они покорились авторитету. Не последовали добровольно.

Освещая пламенем тёмное пространство без единого проблеска света, Тен в очередной раз возблагодарил судьбу за то, что стал магом огня. Крутая лестница, по которой трудно подняться и в одиночку, но Тен легко двигался, даже неся на руках ребёнка. Выносливостью мог похвастаться.

Вверх, вверх, к ещё более высокому месту. В конце долгой-долгой лестницы, что вилась кругами, стояла потрёпанная деревянная дверь. Старая, ветхая дверь с дребезжащим засовом. Перед ней ребёнок попросил опустить его.

— Ты - мои ноги.

Сказал ребёнок.

— Должен идти туда, куда направлена моя воля. И без моего разрешения не можешь уйти.

Прохладные пепельные глаза посмотрели на него снизу вверх. Словно говоря: разве не ты первым это сказал? Теперь думать об отступлении - поздно. Так, казалось, говорили они.

Возможно, этот маленький король думал, что Тен откажется. Тен обдумал его требование. Определённо это было неразумное требование и приказ. Однако,

— Понял.

Изначально вряд ли было право отказа. Когда Тен кивнул, ребёнок повернулся.

— Каждое утро приходи сюда, к этой двери. Ни в коем случае не входи внутрь. Ни слишком рано, ни слишком поздно.

После односторонних требований ребёнок вошёл в комнату. Перед захлопнувшейся дверью Тен почесал щёку. Не думал, что так обернётся. С самого начала получил головоломную задачу.

— Так когда же приходиться?

Ни слишком рано, ни слишком поздно – подходящее время. Такие неясные указания обычно зависели от прихоти вышестоящих. Даже если приходиться ежедневно в одно и то же время, в зависимости от настроения в тот день можно получить либо похвалу, либо нагоняй. Проблема разве что в том, что Великий император суровых холодов вместо нагоняя отделит голову от тела.

Большая проблема в том, что угроза совершенно не ощущается реальной. Головой понимает, что этот ребёнок – Великий император суровых холодов, жестокий и свирепый правитель. Но сердце лишь жалеет и сочувствует.

— Почему в таком месте...

Зачем, имея широкий и огромный замок, он обитает именно здесь? Сквозь перекошенные щели двери сочился холод. Должно быть, холодно. На высоте ветер наверняка дует сильнее. Судя по состоянию двери, от ветра и холода она бесполезна.

Ведь он король. Император, Великий император.

Отличается от человеческих королей и человеческих дворян. Человеческий король правит только людьми и повелевает только людьми. Но король духов – иное дело. От прохладного ветерка, утоляющего жар в знойный день, до цветка, распутившегося у обочины, птицы, летящей в небе. Существо, властвующее над всем живым и неживым на этой земле. Люди – лишь часть бесчисленных подданных, которыми они правят.

Такой великий властитель. Тот, кто должен восседать на сияющем троне и принимать поклонение всех тварей мира. Почему обитает в таком убогом и жалком месте?

Этот крошечный ребёнок.

Тен растрепал волосы обеими руками. Не знаю. Даже если ещё подумать, ответа не найдётся. Спускаясь по лестнице, Тен проверил компас в кармане. Стрелка терялась и лишь блуждала туда-сюда.

Кстати, где же тот рисующий волк? Может, этот компас покажет? Едва подумал так, стрелка резко остановилась. Остановились и шаги Тена.

Стрелка в компасе начала двигаться. Не слишком медленно, не слишком быстро. Иногда останавливалась или суетливо вращалась. В любом случае стрелка постоянно двигалась без остановки. Это было странным. Конечно, раз волк, живой дух. Можно понять, что он не сидит на месте, а двигается, но.

— Если бы он был далеко, не двигался бы так часто?

Как ни быстро двигайся, это не поезд, а всего лишь волк. Предположим, волк находится в Нэйв-Гиниане. Даже если бы он перемещался от одного края границы Гиниана до другого,

стрелка просто указывала бы на Нэйв, на юг. Чем дальше цель, тем меньше двигается стрелка. Из-за ограничений замкнутого пространства, называемого компасом.

С другой стороны, если цель близко, она чувствительно реагирует даже на малейшее движение. Например, предположим, волк находится прямо перед Теном и переместился за спину. Стрелка, указывавшая вперёд, сразу укажет назад. Мгновенно повернётся на полукруг. Чем ближе цель, тем чувствительнее и быстрее движется стрелка. То есть,

— Волк находится поблизости.

Однако окрестности замка были отгорожены словно стеной метелью, которую Тен испытал на себе. Природные условия и чувствительность компаса. Учитывая оба фактора, вероятность того, что волк находится где-то в этом замке, была высокой. Хотя замок, включая сад, шире и больше, чем иной небольшой город.

В любом случае волк существовал. Не так, как говорили окружающие, включая Сою, что потерявшая рассудок мать несла вздор. Компас был тому доказательством.

Импульсивно свернул с пути и вошёл в ледяной замок, встретил Великого императора суровых холодов и стал чем-то вроде его слуги. Промежуточный процесс странно запутался, но в итоге его выбор был не ошибочен.

Но даже если бы это был неверный выбор, разве не остался бы здесь? Такая мысль пришла. Даже если бы волка здесь не было.

Мог бы пройти мимо такого?

Посиневшие скрюченные руки и ноги. Губы, жадно глотающие самый обычный суп. Незрелая рука, не способная даже держать нож как следует.

Слишком много того, что бросалось в глаза, чтобы можно было уйти. И без того Тен слаб к детям. Хотя знал, что внешне лишь ребёнок, а на деле дух, одетый словно в броню во всякие зловещие слухи, проживший несравнимо более долгие годы, чем он сам. Этот облик уж слишком... Недаром говорят, что человек – визуальное существо. Знания разума и чувства сердца были слишком разнородны.

Размышляя о том о сём, вышел из башни – окрестности погрузились в сумерки. Тут в поле зрения Тена что-то вошло.

— Что это?

Огромная завеса, украшающая синее небо. Это не Млечный Путь. То, что видел впервые, вероятно....

— Полярное сияние?

Аврора, любившая похвалиться. Одета в платье, сотканное из света, она порхала в танце, но была слишком самонадеянна. Разгневанный правитель издал указ об изгнании, но, не обращая внимания, она сбежала в небо и всё так же щеголяла платьем, танцуя. Полярное сияние – говорили, это след света, пролитый её танцующим платьем.

Зрелище было настолько прекрасным и удивительным, что можно было понять её чувства. Одновременно совершенно не ощущалась реальность того, что тот, кто изгнал Аврору в этой

истории, и ребёнок, только что находившийся в его объятиях, – одно и то же лицо. Между жестоким ледяным властителем из страшной сказки и маленьким ребёнком, умещающимся в его объятиях, существовала непреодолимая пропасть.

Ну. Слухи имеют обыкновение преувеличиваться.

Холодно, так холодно. Тен, скрестив руки и ёжась плечами, не возвращался в комнату, а стоял и любовался блестящим балом ночного неба.

***

Маленький король, открыв ветхую деревянную дверь и войдя, ступил в знакомое пространство. Всё, что боялось короля, затаило дыхание и припало ниц. Имя холодного пространства, где замёрзло даже дыхание, было – изоляция. Отрезанная от мира, остановившаяся часовая башня наполнялась смертоподобной тишиной.

Тесная комната была безжизненной. Не было ни стула, ни стола. Среди жалко разбросанных старых, выцветших игрушек стояла лишь одна кровать. Сухим взглядом скользнул по полярному сиянию, украшающему небо за разбитым часовым механизмом. Имя занавески, развевающейся за задней стороной часов, было – тщета.

На королевской кровати одеяло вздымалось бугром. Имя кровати – пустота, имя одеяла – одиночество. Король улёгся на пустоту и укрылся одиночеством. Когда одиночество оказалось в руке короля, проявились очертания, лежавшие в пустоте. Это была ослепительно прекрасная женщина, но от неё не исходило никакого ощущения жизни – холодно застывшая в прижизненном облике. Имя женщины, застывшей словно в заспиртованном виде, – смерть.

— Холодно.

Король зарылся в объятия смерти. Обнятый смертью, он вспомнил нарушителя, вошедшего в замок без разрешения. Нарушитель был очень большим и тёплым. Сколько раз хотел убить. Станным образом каждый раз это не удавалось. В конце концов так и не убил до конца.

Король достал то, что прятал в объятиях смерти. Розовая конфета, завёрнутая в тонкую обёртку.

Король сжал конфету в руке. Вспомнилось время, когда нарушитель нёс его на руках, бегом. Пульс, передававшийся через ладонь, прижатую к широкой груди: тук-тук. Давно не встречал живое существо, по которому течёт горячая кровь. Слишком давно? Странно, непривычно, неловко.

Король вспомнил украшение, висевшее на шее нарушителя. Оно не было незнакомым. Это было знакомое ожерелье, которое хранилось и в его памяти.

— Почему оно там оказалось? М?

Король спросил у смерти, но смерть не могла дать никакого ответа. Король улёгся в ледяные объятия смерти. Женщина по имени смерть замёрзшими глазами смотрела в пустой потолок. Смерть была невыносимо прекрасна, и её лицо очень напоминало красавицу с портрета, который видел нарушитель.

Несчастную женщину, императрицу Сару.

<http://bllate.org/book/14993/1421371>